

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

УДК 327.8

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЗАРУБЕЖНОМ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2014 г.

С.В. Старкин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

starkinserge@mail.ru

Поступила в редакцию 23.04.2014

Осуществлен систематический анализ зарубежного экспертно-аналитического дискурса, посвященного проблемам формирования институтов региональной безопасности евразийского геостратегического пространства. Автором рассмотрены узловые моменты в работах западных ученых: идентификация понятия «новая Большая игра»; позиции и интересы России в регионе; анализ деятельности в Евразии международных центров силы – США и Китая; подходы других региональных акторов к формированию архитектуры безопасности. Автор приходит к выводу, что во многих работах зарубежных ученых изложены адаптивные реакции стран Центральной Азии, прибегающих к многовекторной дипломатии, заключающиеся в формулировании собственных правил. Общее согласие по основным вопросам и отсутствие реального дискуссионного поля в этой области исследований – кроме разделения на сторонников и противников России, полученного в наследство от советологов времен холодной войны, – означают, что западные исследователи готовы к интерпретации проблематики региона в качестве приоритетной.

Ключевые слова: Евразия, евразийское геостратегическое пространство, региональная безопасность, международная безопасность, внешняя политика, теория международных отношений, экспертно-аналитические институты.

Распад Советского Союза мотивировал всплеск зарубежной экспертно-аналитической рефлексии, обращенной на исследование Евразийского региона, с использованием понятийно-категориального аппарата теории международных отношений и политологии. В глобальном информационном пространстве фигурируют специализированные новостные и аналитические выпуски, в университетах сформированы соответствующие исследовательские центры, «фабрики мысли» реализуют проекты, посвященные данному региону. Несмотря на то что Евразию сложно представить единым объектом научного исследования в силу ландшафтно-географического многообразия и культурно-цивилизационной и политической неоднородности, этот ранее относительно малоизученный с политологической точки зрения регион в последнее время стал весьма привлекателен для западных исследователей.

Предваряя наш анализ, необходимо оговорить различие в определении географического формата изучаемого региона. В отличие от отечественных ученых, как правило понимающих под Евразией Евразийский континентальный пояс, включающий четыре «больших пространства – «Евразийский союз» (куда входят Россия, страны СНГ плюс некоторые страны Восточной Европы), страны континентального ислама, Индию, Китай, западные исследователи склонны сужать эти географические границы и полагают, что Евразия — это в основном страны Центральной Азии с добавлением некоторых областей внутреннего Китая, Индии и Монголии. Вынося, в связи с изложенным, в название настоящей работы понятие «евразийское геостратегическое пространство», мы пытаемся избежать противоречия между различными подходами и одновременно акцентировать внимание на российских внешнеполитических интересах в данном регионе.

Следует также сказать о том, насколько примечательна мозаичность политической вовлеченности государств Центральной Азии, относящихся к Азиатско-Тихоокеанской региональной группе в ООН, являющихся членами Азиатского банка развития и Экономической комиссии по Азиатско-Тихоокеанскому региону, одновременно сотрудничающих с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Европейским банком реконструкции и развития и Советом Евроатлантического партнерства НАТО. Кроме того, эти страны состоят в специфических азиатских структурах – Евразийском банке развития, Центрально-Азиатском региональном информационном координационном центре под эгидой ООН, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Зарубежные авторы в своих работах доказывают, что Евразия стала одним из важнейших «геополитических рынков» в мировом политическом пространстве [1], и объясняют, что если регион занял особое место в современной системе международных отношений, это произошло, в том числе, из-за того, что на его пространстве пересекаются различные геополитические, геоэкономические и геостратегические векторы. В настоящей статье осуществлен системный аналитический обзор тем, фигурирующих в работах западных исследователей. Зарубежные авторы конкретизируют устоявшиеся шаблоны и тенденции международной политики в Евразии. Основными параметрами исследований, как правило, являются следующие: во-первых, идентификация понятия «новая Большая игра»; во-вторых, рассмотрение позиции и интересов России в регионе; в-третьих, анализ деятельности в Евразии международных центров силы – США и Китая; в-четвертых, подходы других региональных акторов к формированию архитектуры безопасности. В настоящем исследовании указанные узловые моменты станут опорными точками анализа.

Определение «новой Большой игры»

Прежде всего следует отметить, что зарубежные ученые акцентируют внимание на вовлечении внешних акторов в проблемы Евразии и Центральной Азии, представляя регион плацдармом новой Большой игры по исторической аналогии с Большой игрой девятнадцатого века. Действительно, исходная постановка проблемы предусматривает описательную характеристику Центральной Азии в научном и политическом плане со ссылками на представление Маккин-

дера о «стержневом регионе» и географическом хартленде [2]. За 20 с лишним лет, прошедших с обретения большинством стран государственного суверенитета, регион превратился в «насыщенное пространство» с точки зрения стратегических проблем и количества задействованных сторон. За влияние в регионе соперничают множество внерегиональных акторов, в том числе государства, транснациональные корпорации и международные организации.

Таким образом, на вопрос о предпосылках развертывания актов новой Большой игры в Центральной Евразии зарубежные политологи отвечают, что этот феномен в значительной мере является результатом «пересечения интересов» сверхдержав в регионе, характеризующемся неустойчивой обстановкой в сфере безопасности, цивилизационной неоднородностью и отсутствием устоявшейся региональной идентичности [3]. Совокупность данных факторов дает возможность международным игрокам активно лоббировать собственные интересы [4]. В частности, Россия, по мнению М. Фрейре, пытается сохранить традицию «российско-ориентированного построения Евразии» [3, р. 165] и сохранить свое влияние на бывшие советские республики. М. Спехлер соглашается, что после периода бездарной внешней политики 1990-х годов, когда в регионе складывалось упомянутое пересечение интересов, возрождающаяся Россия рассматривает сохранение этого влияния в качестве «ключевого национального приоритета» [5]. А. Кули занимает иную позицию и считает новую Большую игру площадкой экономической деятельности центрально-азиатских государств, авторитарные лидеры которых позволяют сверхдержавам вести борьбу и устанавливают собственные правила этой борьбы.

Р. Канет, соглашаясь с тезисом А. Кули о том, что глобальные акторы преследуют взаимоисключающие интересы, полагает более точным, хотя и не исчерпывающим, представление Евразии как зоны разворачивающегося геополитического, геоэкономического и геокультурного противостояния между Востоком и Западом [3, р. 29, 165].

С геополитической точки зрения, великие державы считают регион ключевым в формировании глобального соотношения сил, продвижении собственного видения безопасности и международной архитектуры, а также реализации возможностей по расширению рынков сбыта и инфраструктурных проектов. Ж.-Ф. Уше указывает, например, что ситуация в Афганистане детерминирует общую стабильность региона и особенно важна для Таджикистана и

Узбекистана [6]. Афганский фактор актуализирует новое измерение геополитической реконфигурации, поскольку стратегии выхода из затянувшегося на десятилетия конфликта подразумевают интеграцию страны в рамки международных институтов и участие региональных и мировых держав в прекращении конфликта и восстановлении страны [6]. В этом свете, подчеркивает Д. Сингх, Афганистан может стать краеугольным камнем в китайско-индийско-пакистанском геополитическом треугольнике, а Уолтон отмечает, что вовлечение Японии в центральноазиатские процессы – отражение долгосрочных тенденций, направленных на принятие Японией более активной роли в Евразии [4, р. 275].

С геоэкономической точки зрения, обильные запасы природных ресурсов, в частности углеводородов Каспийского бассейна, объясняют значительную долю внимания к региону. Например, С. Пейруз утверждает, что Китай и Индия заинтересованы в углеводородах и уране из Центральной Азии [6, р. 156–165]. П. Даш описывает соперничество между Россией и США по поводу транскаспийского трубопровода: в ответ на то, что США инвестировали финансовые ресурсы в завершение строительства нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан в обход России [6, р. 142–143], последняя отреагировала тем, что поддержала позиции «богатых нефтью и газом стран, чтобы снизить влияние США в регионе» [6, р. 145]. Для России, уверяет Р. Канет, контроль над углеводородами Центральной Азии путем участия в разработке их месторождений и доставки на собственный внутренний рынок имеет немалое значение в целях поддержки собственной нефтяной промышленности [3, р. 34, 90].

С геокультурной точки зрения, Евразия находится в центре цивилизационной, нормативной и идеологической конкуренции, в регионе происходит перманентное противостояние между идеями традиционализма и государственного регулирования экономики, с одной стороны, и насаждением либеральных ценностей – с другой. А. Кули показывает, как государства Центральной Азии приняли российскую доктрину «суверенной демократии» вместо либертарианских концептов демократии и прав человека, навязываемых Западом. Кроме того – Китай, Россия и США продолжают активно интерпретировать идею исламской угрозы в качестве ключевого нормативного фактора региональной безопасности [7].

Итак, участников новой Большой игры можно классифицировать следующим образом: во-первых, глобальные акторы; во-вторых, круп-

ные региональные державы и, в-третьих, остальные страны. Все они участвуют в интерактивном, многостороннем и динамичном процессе, где каждая сторона постоянно реагирует на ходы всех остальных игроков. Для крупных акторов (Китай, Россия и США) соперничество не является единственной логикой этого взаимодействия, как можно было бы подумать, исходя из сюжета новой Большой игры. Сосуществование, или то, что М. Ляруэль назвал термином «параллелизм» [6, р. 6], также определяет региональную политику, особенно в отношении более мелких игроков.

Российское влияние – ключевой аспект системы региональной безопасности

Российское влияние – не просто сила, с которой необходимо считаться, оно является ключевым структурирующим компонентом евразийских региональных отношений. Большинство рассматриваемых нами работ разделяет этот постулат. Так, Н. Нигрен называет Содружество Независимых Государств российским комплексом безопасности [3]. Современные российские лидеры также уверены, что доминирование в Евразии крайне важно для сохранения стабильной внутриполитической ситуации в самой России [8]. Российское влияние затрагивает и евразийские государства и игроков за пределами региона. В странах Кавказа и Центральной Азии оно вызывает зависимость, заставляет правительства балансировать между центрами силы или принимать антироссийские внешнеполитические векторы [3, р. 55–70]. В любом случае, уверен Э. Кавальски, страны Центральной Азии по-прежнему смотрят на мир через призму России [4].

Однако то же самое влияние стимулирует эти страны постоянно искать собственную, не аффилированную с Россией идентичность и вынуждает их диверсифицировать внешнюю политику, подходы к обеспечению безопасности и маршруты экспорта нефти [7, р. 68–69]. М. Фрейре говорит, что для внешних сил, особенно Китая и США, данный подход означает необходимость постоянно считаться с российскими амбициями, провоцирующую «конкуренцию между Москвой и зарубежными партнерами» [3, р. 1]. Э. Кавальски подчеркивает, что российский «багаж» создает в Евразии целый комплекс проблем, вызывая ощущения общей «цивилизации» и воспоминания о патриархальных отношениях имперского центра и периферии [4, р. 149]. Однако Москва за последние годы смогла трансформировать советское наследие в «актив общей близости», благодаря тому что интегрировала политику конвергенции

западных идеалов с сохранением традиционных режимов, предложив евразийским элитам устраивающую их модель политических отношений [4, p. 150–151].

Позиция США и Китая в регионе

Анализируя роль, задачи и внешнеполитический инструментарий глобальных акторов в сфере исследуемой проблематики, можно выделить ряд основных подходов, используемых зарубежными исследователями. Так, А. Фумагалли полагает, что для США поддержание независимости государств Евразии означает сохранение «бастиона против российского империализма» и сдерживание иранских притязаний в исламском мире [4, p. 180]. Поэтому американская политика была в значительной степени направлена на подрыв российской монополии в энергетической сфере. В другом стратегическом измерении участие в делах региона – способ сдерживания стремительно усиливающегося Китая. Тем не менее Фумагалли утверждает, что, несмотря на значительное присутствие в регионе, Соединенным Штатам по-прежнему не хватает четкой и последовательной политики, многовекторность их интересов зачастую диктует разнонаправленные варианты действий [4, p. 80–84]. С другой стороны, по мнению С. Месбахи, восстановление евразийской сферы влияния отвечает системной потребности России сохранить статус великой державы в противовес США [4, p. 184].

Особенно ярко характеризует специфику новой Большой игры непоследовательность российско-китайских отношений в Евразии [9]. Берриман и Канет утверждают, что если после 11 сентября 2001 г. Россия считала Китай основным союзником, то дальнейшее экономическое развитие КНР и популистские обещания центральноазиатским лидерам вызвали у руководства России небезосновательные опасения, что Китай может в конечном итоге вытеснить Россию из региона [3, p. 134]. Таким образом, в Центральной Азии Москва перестраховывается в отношениях с Пекином, оставаясь в ШОС, но одновременно расширяя ОДКБ как альтернативный рычаг влияния. И, наоборот, по мнению Кларка, во время фазы одностороннего доминирования США, Китай считал свое участие в проблемах Центральной Азии способом противостоять прогнозируемому после 11 сентября «стратегическому окружению КНР» [10]. Следовательно, выступая за принятие международных норм, касающихся суверенитета и невмешательства, Пекин смог сохранить статус-кво в регионе и добиться расширения спектра общих интересов [4, p. 146].

Моделируя эволюцию сферы китайско-индийского взаимодействия в Центральной Азии, Ж.-Ф. Уше находит, что для реального стратегического партнерства имеется не так много возможностей: Китай стремительно прогрессирует и слабо заинтересован в сотрудничестве со страной, которую он считает конкурентом в борьбе за превосходство в Азии [6, p. 112]. Хуашэн утверждает, что исход взаимодействия пока неясен и будет зависеть от того, вытеснит ли Китай Россию из региона, что поможет мотивировать Индию на более активное участие в центральноазиатских взаимоотношениях [6, p. 135].

Итак, резюмируя, отметим, что, по мнению западных политологов, интересы сверхдержав в регионе носят взаимоисключающий характер. Для Пекина интерес в Центральной Азии состоит главным образом в стабилизации своей западной территории (провинция Синьцзян) и получении доступа к углеводородным ресурсам. По расчетам Москвы, Центральная Азия – это геополитический тыл и сфера привилегированных интересов, которые должны быть реанимированы. Вашингтон рассматривает Центральную Азию прежде всего как логистический и тактический коридор для ведения войны в Афганистане, а главный интерес США заключается в достижении права размещения военных баз и заключении транзитных соглашений.

Деятельность в Евразии международных институтов

Подтверждая известный аргумент, согласно которому многосторонние структуры являются элементом внешнеполитического инструментария мировых центров силы [3], международные институты становятся самостоятельной категорией акторов в новой Большой игре. Смит и Кавальски подчеркивают, что НАТО в Евразии почти ничем не отличается от НАТО в Европе [4, p. 30]. Содействуя реформам в сфере обороны, безопасности, военно-гражданских отношений, программы сотрудничества НАТО являются «инструментами социализации» [4, p. 29], направленными на демократические преобразования. В этом смысле НАТО является ключевым субъектом, хотя и использует в основном двусторонний подход. Прьего утверждает, что, благодаря привлекательным программам сотрудничества, у НАТО складываются превосходные отношения с государствами Центральной Азии [3]. Данный тезис опровергают Смит и Кавальски, полагая, что при отсутствии заманчивых предложений в виде предоставления

членства в НАТО, а также из-за необходимости конкурировать с другими организациями за внимание стран региона отношения альянса с этими странами не складываются [4, р. 28].

Другой евроатлантический институт, ОБСЕ, применяет аналогичный подход, являясь преимущественно нормативной структурой [3, р. 50]. Тем не менее внутренние разногласия мешают работе организации с 2000 года, когда российские лидеры осознали, что ОБСЕ стала инструментом Запада «в продвижения прав человека и демократизации на задворках России». В. Хопман полагает, что это заставило страны Центральной Азии поставить под сомнение соотношение между тремя факторами: соблюдением прав человека, экономическим сотрудничеством и проблемами обеспечения безопасности. И наоборот, по мнению Р. Саква, СНГ и ОДКБ, в значительной степени удовлетворяют интенциям России утвердиться в Евразии в качестве системообразующей державы или *Ordnungsmacht* [3, р. 196]. В этом смысле в ОДКБ воплощена новая ориентация внешнеполитической доктрины В. Путина и его стремление укрепить позиции России в качестве лидера в вопросах безопасности региона [3, р. 59]. Подобным образом А. Кули интерпретирует ШОС как основной китайский инструмент регионального влияния и взаимодействия по вопросам безопасности и экономического развития. Однако, следуя своему аргументу о местных правилах, Кули также указывает, что ШОС предоставляет центральноазиатским элитам защитный барьер против натиска демократии западного образца и продвижения прав человека [7].

В конечном счете указанные региональные институты имеют конкурирующие внешнеполитические программы, в результате которых возникают две параллельные тенденции: присоединение к большинству (ОДКБ/ЕврАзЭС) и балансирование между центрами силы (GUAM/Организация за демократию и экономическое развитие). По этой причине евразийские государства склонны более благосклонно относиться к менее политизированным организациям – ООН и ЕС. В обзоре роли ООН в Центральной Азии Найт и Бхатия утверждают, что, в отличие от других внешних игроков, мировое сообщество в лице ООН имеет преимущество нейтралитета [4, р. 100–110]. Подобным образом, полагает Эфегил, несмотря на запоздалый и несколько осторожный приход в регион, ЕС воспринимается евразийскими странами как возможность дистанцироваться от преобладающего влияния России [4, р. 85].

Большинство западных работ осуществляет попытки спрогнозировать результаты новой

Большой игры. С одной стороны, повторяя традиционный лейтмотив регионоведческой литературы, аспект соперничества великих держав сочетается с развитием регионализма [11]. Одна из задач работы Р. Канета состояла в рассмотрении динамики, лежащей в основе «диалектики регионализма и соперничества сверхдержав». Однако, будучи продуктом консенсуального регионального порядка, состоящего из норм и институтов, регионализм не может полноценно функционировать, если под сомнение поставлены основополагающие концепты. Рассмотрение вопроса с целью определения относительного влияния каждого субъекта представляется более плодотворным, поскольку оно нейтрально с аналитической точки зрения. Такой подход может объяснить действия участников в конкурентной борьбе. С другой стороны, приняв прагматическую точку зрения, А. Кули утверждает, что более разрушительными, чем противостояние великих держав, включая их проекты «стратегического регионализма», являются, по сути, эндогенные факторы – активизация инструментария «мягкой силы», продвижение своих кандидатов во власть, деятельность, не связанная с созданием материальных ценностей, и экономические структуры, препятствующие притоку товаров в регион. Тем не менее он отмечает, что процедуры, направленные снизу вверх – челночная торговля и незаконный наркотрафик, – генерировали создание некой региональной сети [7, р. 154–158].

Конкуренция международных институтов сформировала для государств региона условия реализации многовекторной дипломатии и способствовала введению «местных правил». Первое понятие относится к возможности получать помощь от глобальных акторов, используя мотивацию последних привлечь страны региона на свою сторону [4, р. 296]. Фумагалли в данной связи отмечает, что, с точки зрения Вашингтона, глобальная война с терроризмом дала преимущество евразийским странам: американский подход к сотрудничеству, предоставление помощи в обеспечении безопасности торпедируют способность США управлять центральноазиатскими странами методом кнута и пряника [3, р. 187]. Аналогичным образом в отношении разработки полезных ископаемых Кьорнет отмечает, что в условиях давления со стороны международных нефтяных корпораций отечественные нефтяные компании в Азербайджане, Казахстане и России становятся все более напористыми, используя меры государственного протекционизма [3].

Вторая концепция подразумевает, что наличие нескольких конкурирующих центров силы

дает клиентам возможность уклоняться от своих индивидуальных обязательств по отношению к любому патрону, расшатывая общий контроль со стороны объективно более сильных игроков. Государства Центральной Азии смогли сформулировать собственные правила: во-первых, диффузия понятий «выживание режима» и «национальная безопасность»; во-вторых, «откаты» элите как условие для разработки национальных ресурсов; и, в-третьих, пустые обязательства для успокоения зарубежных игроков при реальной ориентации на внутренние интересы [7, p. 9–27].

Участие региональных держав

В целом можно согласиться с позицией ряда западных авторов, косвенно демонстрирующих, что новая Большая игра приобретает азиатское измерение, привлекая таких игроков, как Индия, Иран, Турция, доходя до Японии и даже Южной Кореи. Связи между Индией и Центральной Азией относятся к раннему Новому времени, когда Бабур пришел в Индию из Андижана, чтобы восстановить династию Великих Моголов, правившую на субконтиненте между XVI и XVIII веками. Но история региона имеет более глубокие корни, связанные с функционированием древнего Шелкового пути. Кроме того, Китайская, Османская, Персидская и Российская империи так или иначе доминировали в разных частях этого региона. Таким образом, если сразу после распада Советского Союза Центральная Азия считалась областью противостояния между Востоком и Западом, то достижения Китая сгенерировали контуры дополнительной линии разлома уже между странами Востока. Индия и Япония активизировали свои усилия в регионе, чтобы не отставать от темпов Китая [12].

Китай и Индия присутствуют в Центральной Азии с начала 1990-х годов. Индийский премьер-министр Нарасимха Рао объявил регион приоритетным в 1995 году, а для Китая это способ обеспечения безопасности своей западной границы посредством структур Шанхайской пятёрки. Сегодня Китай входит в тройку главных торговых партнеров всех стран Центральной Азии, за исключением Туркменистана; Индия входит лишь в первую двадцатку. Как утверждают П. Чоудхури и Р. Сетхи, Центральная Азия, оказавшись в центре стратегии мирного подъема Китая, находится на втором месте среди международных приоритетов Китая после Азиатско-Тихоокеанского региона [6, p. 125]. В соответствии с более наступательной концепцией внешней политики, региональный баланс сил является важным фактором участия Индии

в соперничестве за влияние в Центральной Азии [4, p. 242]. В этом свете Китай является для Индии одновременно «партнером, образцом для подражания и угрозой». Тем не менее Э. Кавальски и Дас Гупта считают, что направленной на север политике Индии не хватает остроты по причине, во-первых, отсутствия четкой внешнеполитической парадигмы, а во-вторых, недостаточности задействованных ресурсов [4, p. 259]. Отсюда, по мнению Р. Музалевского, проистекает недавнее решение Индии назвать свою стратегию «Соединение Центральной Азии» (Connect Central Asia) [13].

Япония отреагировала на усиление конкуренции сверхдержав и открытие региона собственной активизацией, основанной на идее общей азиатской идентичности. Делая ставку на доверие, взаимопонимание, процветание и мир в регионе, в 2004 году Япония впервые провела форум «Центральная Азия + Япония» и пролоббировала включение стран Центральной Азии в Азиатский банк развития, предоставив им доступ к необходимому финансированию. Тем не менее геостратегические реалии показали, что Япония оказывает лишь незначительное влияние на регион.

Наконец, Иран и Турция, которые когда-то были центрами бывших империй, простиравшихся на евразийской территории, в последнее время также провели ревизию основных направлений своей внешней политики, будучи неудовлетворенными противоречивыми и проблематичными отношениями с Западом. Пехлеви и Хояти обратили внимание, что подход Ирана к Центральной Азии является неотъемлемой частью иранской внешнеполитической стратегии, направленной на отказ от сдерживания. Иран ведет поиск стратегической защиты против давления Запада и восстанавливает достойное место в мировой политике, применяя, таким образом, исключительно прагматичный подход в рамках двусторонней, многосторонней и инфраструктурной дипломатии и ориентируясь на Россию [4]. Сэсли указывает, что, реализуя собственную внешнюю политику подобным образом, Турция усиливает акцент на Центральную Азию, разочаровавшись в своих европейских амбициях. С одобрения ряда западных правительств, считающих ее подходящим противовесом восточной оси, Турция – преимущественно мусульманская страна с демократической системой управления – предложила себя в качестве модели для стран Центральной Азии. Однако по окончании эйфории после распада СССР оказалось, что общая тюркская идентичность не сыграла ожидаемой роли – хотя ее «мягкая сила», возможно, недооценивается [4, p. 201].

Заключение

Подводя итог нашему краткому анализу, отметим, что, во-первых, значение Центральной Азии фундируется следующими факторами: централизация добычи и транспортировки нефти и других природных ресурсов; переплетение интересов сверхдержав и вытекающее из этого соперничество в экономике, сфере безопасности и на геостратегическом уровне; угроза исламского радикализма в регионе, усиленная его связями в соседнем Афганистане. Во многих работах зарубежных ученых изложены адаптивные реакции стран Центральной Азии, прибегающих к многовекторной дипломатии и заключающиеся в формулировании собственных правил. Общее согласие по основным вопросам и отсутствие реального дискуссионного поля в этой области исследований – кроме разделения на сторонников и противников России, полученного в наследство от советологов времен холодной войны, – означают, что западные исследователи готовы к интерпретации проблематики региона в качестве приоритетной.

Во-вторых, разворачивающиеся сценарии новой Большой игры в Евразии предполагают, что в условиях стремительной глобализации регион в среднесрочной перспективе разделит общеконтинентальные тенденции, выражающиеся, во-первых, в интеграции различных азиатских субрегионов на едином евразийском пространстве; и, во-вторых, в дальнейшем обострении неустойчивости региона и расширении конфликтогенной составляющей. Очевидно, что вывод международных сил безопасности НАТО из Афганистана будет способствовать развитию этих тенденций. В связи с этим можно признать, что Большая игра – миниатюра или даже модель формирующейся глобальной многополярности.

В-третьих, с научной точки зрения, развитие Большой игры в Азии будет способствовать пониманию новых закономерностей современной системы международных отношений. В данном контексте предполагается взаимное обогащение и взаимопересечение объектов изучения азиатских и евразийских исследований. Взгляды, подходы, концепты, методология, разработанные при исследовании азиатско-тихоокеанского региона, могут быть востребованными для анализа ситуации в Евразии. По сути, новые тенденции и связи могут означать необходимость выработки нового аналитического фокуса на прикладные вопросы азиатско-тихоокеанской политики.

В-четвертых, эпистемологическая рефлексия, сконцентрированная на изучении Евразии,

несомненно, обогащает теоретические исследования в области международных отношений. Эмпирический материал, получаемый в странах региона, предоставляет колоссальные возможности для дальнейших теоретических построений. Динамичность и текучесть политической обстановки – важный источник постановки научных проблем. Например, каким образом институты гражданского общества способствуют усилению соперничества сверхдержав? Каковы факторы, механизмы и причинно-следственные связи, детерминирующие многовекторную дипломатию государств Центральной Азии? Каковы модели распределения сил и интересов в регионе, а также специфика региональной динамики и ее последствия? И самое важное с точки зрения прикладной политологии: мониторинг политической обстановки и разработка индикаторов угроз интересам России в свете актуализируемого руководством нашей страны евразийского цивилизационного проекта.

Список литературы

1. Khanna Parag. The Second World. Empires and Influence in the New Global Order. New York: Random House, 2008.
2. Megoran Nick, Sharapova Sevara, and Fazullaev Alisher. Conference Report. Halford Mackinder's 'Heartland' – a Help or Hindrance? Tashkent, 2–3 December 2004 // The Geographical Journal. June 2005. V. 171. № 2. P. 177–178.
3. Key Players and Regional Dynamics in Eurasia: The Return of the «Great Game» / Freire Maria Raquel and Kanet Roger E., ed. London: Palgrave Macmillan, 2010. P. 50.
4. The New Central Asia. The Regional Impact of International Actors / Kavalski Emilian, ed. Singapore: World Scientific, 2009. P. 9.
5. Spechler Martin C. and Spechler Dina R. Is Russia winning in Central Asia? // CACI Analyst, October 29, 2008. Электронный ресурс. URL: <http://www.cacianalyst.org/?q=node/4972> (дата обращения 12.01.2014).
6. China and India in Central Asia: A New «Great Game»? / Laruelle Marlène, Huchet Jean-François, Peyrouse Sébastien, and Balci Bayram, ed. London: Palgrave Macmillan, 2010.
7. Cooley Alexander. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. New York, NY: Oxford University Press, 2012. P. 99–111.
8. Contessi Nicola. Central Eurasia and the New Great Game: Players, Moves, Outcomes, and Scholarship // Asian Security. 2013. № 9:3. P. 231–241.
9. Lo Bobo. Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2008.
10. Lam Willy. Beijing's Alarmover New 'U.S. Encirclement Conspiracy' // China Brief. April 12, 2005. V. 5. № 8; Lam Willy. Hu's Central Asian Gamble to Counter the U.S. 'Containment Strategy,' // China Brief. July 5, 2005. V. 5. № 15; Umarov Adiljon and Pashkun Dmitry.

The Prospects for Chinese Influence in Central Asia // China and Eurasia Forum Quarterly Journal. Winter 2005.

11. Allison Roy. Regionalism and the Changing International Order in Central Eurasia // International Affairs. 2004. V. 8. № 3.

12. Peyrouse Sébastien. South Korea's Advances into Central Asia // CACI Analyst, January 9, 2010.

13. Muzalevsky Roman. India's 'Connect Central Asia' Policy Seeks to Compensate for Lost Time // Eurasia Daily Monitor. September 27, 2012. V. 9. № 176.

SECURITY ISSUES IN THE EURASIAN GEOSTRATEGIC SPACE IN FOREIGN EXPERT ANALYTICAL DISCOURSE

S.V. Starkin

This article presents a systematic analysis of the foreign expert and analytical discourse on the problems of the formation of regional security institutions in the Eurasian geostrategic space. The author examines the key moments in the works of Western scholars: identification of the notion «new great game»; Russian position and interests in the region; analysis of the activity in Eurasia of the international centers of power, the United States and China; the approaches of other regional actors to the security architecture formation. The author points out that in many works of foreign scholars adaptive responses are presented of some Central Asian countries resorting to multi-vector diplomacy. Such responses consist in formulating their own rules. General agreement on the main issues and lack of real discussion in this field of research – except the division between supporters and opponents of Russia inherited from sovietologists of the Cold War times – mean that Western scholars are willing to interpret the problems of the region as a priority.

Keywords: Eurasia, Eurasian geostrategic space, regional security, international security, foreign policy, international relations theory, expert analytical institutions.

References

13. Khanna Parag. The Second World. Empires and Influence in the New Global Order. New York: Random House, 2008.

14. Megoran Nick, Sharapova Sevara, and Fazullaev Alisher. Conference Report. Halford Mackinder's 'Heartland' – a Help or Hindrance? Tashkent, 2–3 December 2004 // The Geographical Journal. June 2005. V. 171. № 2. P. 177–178.

15. Key Players and Regional Dynamics in Eurasia: The Return of the «Great Game» / Freire Maria Raquel and Kanet Roger E., ed. London: Palgrave Macmillan, 2010. P. 50.

16. The New Central Asia. The Regional Impact of International Actors / Kavalski Emilian, ed. Singapore: World Scientific, 2009. P. 9.

17. Spechler Martin C. and Spechler Dina R. Is Russia winning in Central Asia? // CACI Analyst, October 29, 2008. Elektronnyj resurs. URL: <http://www.cacianalyst.org/?q=node/4972> (data obrashcheniya 12.01.2014).

18. China and India in Central Asia: A New «Great Game»? / Laruelle Marlène, Huchet Jean-François, Peyrouse Sébastien, and Balci Bayram, ed. London: Palgrave Macmillan, 2010.

19. Cooley Alexander. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. New York, NY: Oxford University Press, 2012. P. 99–111.

20. Contessi Nicola. Central Eurasia and the New Great Game: Players, Moves, Outcomes, and Scholarship // Asian Security. 2013. № 9:3. P. 231–241.

21. Lo Bobo. Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2008.

22. Lam Willy. Beijing's Alarmover New 'U.S. Encirclement Conspiracy' // China Brief. April 12, 2005. V. 5. № 8; Lam Willy. Hu's Central Asian Gamble to Counter the U.S. 'Containment Strategy,' // China Brief. July 5, 2005. V. 5. № 15; Umarov Adiljon and Pashkun Dmitry. The Prospects for Chinese Influence in Central Asia // China and Eurasia Forum Quarterly Journal. Winter 2005.

23. Allison Roy. Regionalism and the Changing International Order in Central Eurasia // International Affairs. 2004. V. 8. № 3.

24. Peyrouse Sébastien. South Korea's Advances into Central Asia // CACI Analyst, January 9, 2010.

13. Muzalevsky Roman. India's 'Connect Central Asia' Policy Seeks to Compensate for Lost Time // Eurasia Daily Monitor. September 27, 2012. V. 9. № 176.